Видимо, посчитав, что этого недостаточно, приемный отец пнул Ли Чу прямо в живот, а затем, ухватив за шиворот, потащил в комнату.

От ударов желудок Ли Чу свело спазмом. По лбу катился холодный пот, лицо стало мертвенно-бледным, а боль, словно парализуя нервы, пронзала мозг. Но Ли Чу продолжал сопротивляться: он должен был защитить приемную мать.

Когда перед глазами всё заволокло тьмой, Ли Чу охватила паника — он, кажется, даже забыл о мучившей его боли в животе. С трудом опустившись на колени, он начал умолять, глотая слезы и срываясь на хрип:

— Не надо, умоляю тебя, выпусти меня! Прошу, выпусти…

В тот миг, когда последняя узкая полоска ослепительного света вот-вот должна была исчезнуть, Ли Чу, превозмогая боль, пополз по грязному, холодному, ледяному полу, пытаясь помешать двери закрыться. Но было уже поздно: щель исчезла, и комнату поглотил мрак, а в ноздри ударил едкий запах плесени.

— Нет! Умоляю… отпусти ее! Я сделаю всё, что скажешь… Это всё моя вина, это я во всем виноват…

Ли Чу, опираясь на руки, начал колотить в дверь, но в ответ не донеслось ни звука. Только грубая брань, доносившаяся снаружи, окончательно лишила его надежды. Горячие слезы катились по щекам, обжигая кожу так, что перехватывало дыхание. Его сердце разрывалось от боли и раскаяния.

— Прости… — прошептал он.

Ли Чу запрокинул голову, глядя в пустоту остекленевшим взглядом, словно бросая вызов небесам. Снаружи доносились тяжелое дыхание, ругательства и обрывки жалобных криков. Ли Чу начал тихо, безумно смеяться и, охрипшим голосом указывая пальцем в потолок, пробормотал:

— Скажи мне, что мне нужно сделать, чтобы ты оставил меня в покое, а?! Или мне нужно умереть, чтобы ты отпустил ее?

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Ли Чу потерял сознание от желудочного спазма. Последнее, что он услышал сквозь дверную щель, было то, от чего его воротило и что вызывало ненависть:

— Алло, что? Хорошо! Жди, я сейчас же буду.

Ли Чу пришел в себя в два часа ночи — с того момента, как его заперли, прошло два часа.

Стоило ему открыть глаза, как перед мысленным взором предстало лицо приемной матери, которая лежала на полу, уже перестав сопротивляться. Ли Чу не стал медлить: превозмогая боль, он изо всех сил поднялся на ноги и бросился на дверь, но та была заперта.

Сердце Ли Чу упало. В панике озираясь по сторонам, он искал хоть какой-то выход. На этот раз судьба чуть смилостивилась над ним: в комнате было окно. Ли Чу не знал, удастся ли его открыть, но, взобравшись на стол, попытался дотянуться до него, однако до рамы оставалось еще приличное расстояние. Одного стола было недостаточно, чтобы выбраться.

Сквозь окно на лицо Ли Чу падал луч света, а тени от колышущихся листьев дерева ложились на его щеки. Ослепительный свет бил прямо в глаза, и Ли Чу, стараясь увернуться, осторожно сделал маленький шаг, но потерял равновесие и рухнул со стола.

Он приземлился на бедро, и какой-то острый предмет, лежавший на полу, глубоко вошел в плоть. Алая кровь быстро хлынула из раны, растекаясь по холодному полу и превращаясь в расползающееся пятно. Затем Ли Чу ударился головой о пол. От сильного сотрясения сознание начало меркнуть. Смесь боли в желудке и раненом бедре была невыносимой — он уже не понимал, что болит сильнее. Но еще сильнее болело сердце.

Мозг, потрясенный ударом, заставлял веки закрыться, хотя подсознание противилось этому. Он боролся с самим собой, но в конце концов проиграл. Он был неудачником, трусом. Он не смог защитить тех, кто был рядом, он был грешником.

Когда Ли Чу уже был готов провалиться в забытье, по его щекам медленно скатились обжигающе горячие слезы. Казалось, они проникают в сосуды, вливаются в саму кровь, сжигая его сердце дотла.

http://bllate.org/book/22343/2340961